

хозяйственная зоология.

С моей точки зрения, самое уникальное научное направление в работе Александра Петровича — это бесценная научная коллекция бабочек, птиц, летучих мышей, мелких млекопитающих, которую Александр Петрович создал своими руками. Бесспорно, это примечательное дело, нашедшее отражение в значимых научных публикациях, через которые Александр Петрович известен и присутствует в научном мире сегодня.

При таком огромном объёме научной и практической работы, которую вёл Александр Петрович, он не жалел своего времени отдавать свои знания студентам и аспирантам. Может быть, никто не сможет сказать, сколько студентов и аспирантов выучил Александр Петрович. Важно одно — он живёт в их воспоминаниях.

Сейчас наука сильно дифференцирована, каждый работает в своей узкой области, и поэтому, такая фигура как Александр Петрович с универсальными и глубокими знаниями мира животных и природных территорий, вызывает уважение и респект.

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Б. Н. Фомин

Впервые, Александра Петровича Кузякина, я увидел осенью 1964 года, когда стал посещать кружок ВООП. Это случилось в здании МОПИ, где, с благоволения А. П. Кузякина, наш наставник, Пётр Петрович Смолин, проводил семинары и занятия с нами — своими юннатами. Мне тогда было 13 лет и я, с товарищами, нещадно изучал коллекции птиц и мелких млекопитающих, любовно собранных А. П. Кузякиным и отданных нам, фактически, на растерзание. Уже тогда, Александр Петрович, казался мне таким же мудрым и бесконечно добрым как ППС. Лишь несколько лет спустя, я узнал, что А. П. Кузякин, не просто, штатный профессор, а он «одной с нами крови» — из тех легендарных юннатов, корни которых уходят в КЮБЗ, а, затем, и в ВООП.

Летом 1969 года, после своего провала поступления на Биофак МГУ — на экзамене по математике я получил двойку, и, сговорившись с моими товарищами, юннатами из разных кружков, такими же неудачниками, как я, решил поступать в МОПИ, к А. П. Кузякину. В тот год, нас, ребят, пришедших к А. П. Кузякину, было настолько много, что в учебных группах, мальчиков, оказалось больше, чем девочек — неслыханное дело для педагогического вуза.

После моего поступления в МОПИ, с первых же дней обучения в институте, произошло мое личное знакомство с А. П. Кузякиным. Этому способствовало то обстоятельство, что я, и мой друг, с ВООПовского детства, Лёва Вартапетов, отработали целый сезон в экспедиции Юрия Соломоновича Равкина — одного из любимых учеников А. П. Кузякина.

Естественно, что с первых дней, ещё толком не начав учиться, мы с Лёвой, сразу же, стали членами научного студенческого общества, организованного на базе МОПИ.

Во время обучения в институте, Александр Петрович читал нам лек-

ции по зоологии и биогеографии. Как лектор, он был, просто, великолепен. Многие факты, я запомнил, лишь, благодаря его личным комментариям.

Я учился на отлично, получал повышенную стипендию и весной, досрочно сдав сессию, уезжал в экспедицию, в Сибирь, к Ю. С. Равкину. Но, весной, по окончании второго курса, вдруг, что-то произошло.

Мы с Лёвой, как обычно, досрочно сдали сессию на одни пятерки, отработали практики и готовились к отъезду в экспедицию. Однако, в последний день перед отъездом, вызывает нас в свой кабинет декан факультета Г. Я. Малахова и заявляет: «Вы, ни куда не поедете, все ваши экзамены я отменяю, и, вообще, факультетом руковожу я, а не Кузякин».

У Лёвы, этот манифест совпал с необходимостью срочно жениться. Он бы и так, никуда не поехал в начале весны этого года, а я, решив, что это, просто, женский каприз, и, невзирая на предупреждение, уехал в экспедицию. Я рассуждал просто — билеты куплены, люди ждут, учёты должны начаться 15 мая, Г. Я. Малахова, наверное, за что-то обиделась на А. П. Кузякина, но, за 3,5 месяца моего отсутствия они помирятся, и всё обойдется. Но, не тут-то было. В самом конце экспедиционного сезона, я получаю от мамы телеграмму: «Боря, тебя исключили из института».

Когда я вернулся в Москву и приехал в институт, то, действительно, увидел на доске объявлений приказ: «Отчислить из института Фомина Б. Н. за нарушение учебной дисциплины». Мои однокурсники, и я сам, не хотели этому верить. Никто не понимал, какую такую, учебную дисциплину я нарушил. Добившись свидания с Г. Я. Малаховой, я узнал лишь только то, что много о себе воображаю. Мои однокурсники написали петицию ректору с просьбой восстановить меня в институте.

После этого началась моя травля. Моя мама, воспитанница детского дома, по своей советской наивности, обратилась за правдой к парторгу института. Он заявил ей, что я двоечник, пьяница и драчун, пусть скажет спасибо, что её сына просто отчислили, а не сдали в милицию. Из кабинета парторга, маму, на скорой помощи, увезли в больницу.

Малахова решила организовать общественное осуждение моих поступков. Начали с комсомольского собрания группы, которая в этот момент пребывала на «картошке».

Обрабатывать моих сокурсников собралась целая компания институтских чиновников во главе с Г. Я. Малаховой. Я стоял у автобуса, ждал когда соберутся все Малаховские клеветы, и мы поедem к ребятам «на картошку», закапывать мою честь и достоинство.

Как, вдруг, приезжает Александр Петрович Кузякин и заявляет, я поеду с вами и своего ученика в обиду не дам.

Что греха таить, до приезда А. П. Кузякина, были у меня пораженные настроения. В отличие от своей мамы, я понимал, что реальная жизнь, устроена, несколько, по-другому. Я, совершенно, не рассчитывал, что А. П. Кузякин за меня заступится. Кто я, и кто профессор А. П. Кузякин. Я уже был благодарен ему за то, что два раза удалось съездить в экспедицию к Ю. С. Равкину. Нет, я понимал, что любой, из моих ВООПовских друзей, встал бы на мою защиту. (Так и случилось, огромную помощь во

всем этом деле мне оказал Тимофей Баженов и, конечно, Юрий Соломонович Равкин, — он, просто, водил меня за руку, и, даже, в Москву приехал специально для этого). Но, когда, Александр Петрович Кузякин заявил, что будет меня защищать, я решил, что и я, буду бороться до конца.

Борьба была долгой и трудной. Победителей в ней не оказалось. Поражение понесли обе стороны. В итоге, мне пришлось доучиваться в Ярославском педагогическом институте им. К. Д. Ушинского. К слову сказать, уровень обучения и преподавательский состав там был не хуже, чем в МОПИ.

Защищая меня от Г. Я. Малаховой и сопутствующего произвола советской системы, Александр Петрович, в отличие от меня, отчётливо понимал, чем он рискует. Мне, он не раз говорил: «Боря, постарайся не лезть на рожон. Ты даже не представляешь, чем, всё это, может кончиться». Но, тем не менее, за меня он боролся решительно и бескомпромиссно.

Что бы там не говорили о «тяжелом» характере Александра Петровича, для меня он всегда был образцом чести и человеческого достоинства.

Как и многие, «тяжесть» характера А. П. Кузякина, я испытал на себе, когда попросил его стать руководителем своей дипломной работы по окончании института. С тех пор в моем мозгу, навсегда, засел Кузякинский призыв: «Боря, не прячься за шелухой научных терминов — пиши проще, понятней для людей, которые, ещё только собираются прочесть, те научные книжки, знанием которых, ты тут щеголяешь». Но я, до сих пор, в душе ему возражаю: «Это хорошо Вам, Александр Петрович, обладая таким огромным научным авторитетом, писать проще, а как быть нам — простым смертным?».

Писать воспоминания о людях, с которыми общался много лет, очень тяжело. Пересказать все мгновения жизни невозможно, а пересказывать несколько житейских эпизодов — получается, как то убого, как будто, ничего другого и не было.

Поэтому, вместо рассказов «А вот, мы с Кузякиным . . . », я хочу, во-первых, изложить свою версию возникновения скандально известной истории про видообразование у летучих мышей, во-вторых, — вспомнить научно-философские заветы Александра Петровича Кузякина.

Я, специально, не касаюсь обсуждения заслуг и достижений Кузякина в различных областях науки, особенно, в области близкой мне, количественной зоогеографии. На эту тему, воспоминаний и так, сравнительно много.

Пока я учился у А. П. Кузякина, он много о чём рассказывал, опираясь на примеры из собственной жизни и, при этом, не забывал упомянуть о своем приоритете в той или иной научной области. Рассказывал он и о летучих мышах, но вот, ни разу из его уст я не слышал рассказа о предложенной им теории видообразования на примере летучих мышей. И, кажется мне, что основной целью, той скандально известной статьи, была не теория видообразования, а, по-Кузякински самоотверженная попытка, привлечь внимание эволюционистов и биогеографов к проблеме белых пятен палеонтологической летописи у современных видов на территориях их современного обитания.

Эта животрепещущая проблема эволюционной теории и биогеографии не решена до сих пор. Я бы даже сказал, что она не только ни кем не решается, но и, попросту, всеми замалчивается. А. П. Кузякин обратил внимание учёных на эту проблему и предложил им своё решение. Расчёт у него, видимо, был на то, что другие учёные, начнут предлагать другие, более обоснованные и не столь кардинальные, как у него, решения этой проблемы. Вместо обсуждения проблемы, Александру Петровичу достались обвинения в научном невежестве и отказ в публикации статьи.

В дальнейшем, А. П. Кузякину пришлось добиваться публикации этой статьи, хотя бы для того, чтобы доказать окружающим, что статья соответствует всем научным канонам и в ней написано, только то «что написано».

К такому пониманию идеи А. П. Кузякина в области видообразования я пришёл однажды, реферируя статью иностранных авторов, опубликованную в очень известном экологическом журнале. Авторы, в лабораторных условиях изучали биоэнергетику гусениц. На входе скармливали гусеницам листья, на выходе — измеряли прирост биомассы гусениц, количество выделенного углекислого газа и количество поглощённого кислорода. В итоге, у них получилось, что гусеницы поглощают заметно больше углерода, чем запасают в биомассе и выделяют с углекислым газом. Авторы написали в статье, что в биологических системах нарушается закон сохранения массы и энергии, и что они горды своим открытием. Ересь конечно, но их статья была опубликована, скоропалительных обвинений в научном невежестве, они не испытали, а вскоре, нашлось и решение. В ходе своих экспериментов, авторы не учли выделение метана.

Вот, если бы, статью А. П. Кузякина, в своё время, опубликовали бы, без лишних эмоций, то, может быть и принесла бы она свою пользу биогеографии и эволюционной теории.

Александр Петрович, всегда ратовавший за практицизм в науке, тем не менее, исповедовал и некоторые философские истины. Две из них, особенно, мне запомнились.

1. Идеи приходят во время работы, размышляя, сидя на стуле — ничего путного не придумаешь.

2. Не бойся, что твою идею кто-то украдёт, скорее наоборот, придётся потратить много усилий, чтобы донести её до других.

На этом, свои воспоминания я и хочу закончить.

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Л. И. Прилуцкая

Познакомилась я с Александром Петровичем в 1977 году. Окончив биологический факультет Дагестанского государственного университета и работая ассистентом в Дагестанском сельскохозяйственном институте, я имела огромное желание продолжить заниматься наукой и поступить в аспирантуру.

Приехав в Москву, я по велению судьбы направилась в отдел аспирантуры Московского областного педагогического института им.